

A photograph of a dense forest. The trees are tall and thin, with green leaves. The ground is covered in brown leaves and a large fallen log is visible in the foreground. A black rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing white text.

Ольга Шипилова

Глушь

Ольга Шипилова

Глушь

«Издательские решения»

Шипилова О.

Глушь / О. Шипилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961183-3

Молодая поэтесса Полина получает приглашение посетить творческий фестиваль в городе Z. Полин жених Глеб собирается в путь вместе с ней. В самый последний момент к Полине и Глебу присоединяется общий друг Костик. Ребят ждут настоящие испытания на прочность. Мрачный Z хранит свои леденящие тайны, запугивает, угрожает расправой. Ребятам предстоит сделать свой выбор, останутся ли после всего они прежними?

ISBN 978-5-44-961183-3

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Часть 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глушь

Ольга Шипилова

Фотограф Виктор Анатольевич Иванцов

© Ольга Шипилова, 2019

© Виктор Анатольевич Иванцов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-1183-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Парень и девушка бежали вниз по лестнице серого, похожего на склеп, подъезда. Дорожные сумки норовили унести на себе грязно-рыжую побелку обшарпанных стен, а вместе с ней и давящее предчувствие необратимой угрозы. Ребята спотыкались, охваченные первобытным животным страхом, но продолжали резво скакать, минуя сразу пару ступеней, рискуя в любую секунду потерять равновесие и кубарем скатиться в прохладу первого этажа, едко пахнущего человеческими испражнениями. Вдогонку им сыпались острые ножи проклятий и бранных слов. «Чтоб вы издохли, чтоб не покинули живьем этого города!» – голосили лестничные пролеты. Уже толкая дверь подъезда и перекидывая в другую руку сумку, девушка подняла вверх глаза полные ужаса:

– Да что же с ними не так? Неужели все это реально?

– Не знаю, – помотал головой парень. Резко, точно вспомнив о чем-то очень важном, коснулся подбородком кожаного ремешка старого фотоаппарата на своей груди, – хорошо, что он уцелел! Я думал все! – И в спешке ударил ногой по ржавой жести, чтобы та изрыгнула их поскорее на солнечный свет.

На вокзале было пусто. Только какой-то нетрезвый молодой человек лазил по урнам и грозил искалечить любого, кто не даст ему денег. Слова были обращены липким банкам из-под пива, а ребятам казалось, что только им. Девушка дрожала. Даже шелудивые коты, которых она жалела всюду, где бы ни бывала, здесь вызывали протест и отвращение. Их глаза принадлежали не природе, а самому дьяволу, живущему в сердце города. Впервые ей захотелось, чтобы автобус, подъезжающий лениво к пыльному, изъеденному временем, бордюру, раздавил хоть одного. Но и автобус выглядел так, словно был в сговоре и с котами, и с этим диким городом, и с его чумными обитателями. Парень без конца оглядывался, точно пытаясь отыскать кого-то среди разбитых лавочек и грязных урн. Поднимая с потрескавшегося асфальта сумки и вскидывая их себе на плечи, он еще раз обернулся и, тяжело вздохнув, поднял ногу на ступеньку.

Пока ребята забирались внутрь и показывали водителю билеты, последний трижды им нагрубил. Опустившись в теплую, вспотевшую от чужих тел, мякоть сиденья, девушка перекрестилась, а когда автобус, наконец, тронулся и вокзал поплыл вместе с котами и бранящимся пьяницей, оставаясь позади, она, вдруг опомнившись, пристально посмотрела на своего попутчика:

– А Костик? Как же он?

– Придется уезжать без него! Мы ничего не можем сделать! – качнул головой парень, и его взгляд остановился на спинке сиденья, будто лицо Костика находилось там и могло дать ответ, куда же он запропастился.

Вечером того же дня на скалах было найдено истерзанное тело обнаженного молодого мужчины. Штормящее море и острые камни изуродовали его до неузнаваемости, а отсутствие одежды, документов и вещей так и не позволило установить личность. Очередной бомж, коих здесь много! Нелепая случайность, неосторожность. И лишь темная бороздка на шее, свидетельствовала о признаках насильственной смерти. К сожалению, интересна она была только соленой воде, да любопытным чайкам.

Часть 1

Для творческой Полины поездка на поэтический фестиваль была ожидаемой, правда, своему жениху Глебу, страстному фотолобителю, она сказала об этом в самый последний момент. И хорошо бы подготовила его перед новостью о своем участии в литературном круговороте заранее, ведь знала же, что ехать придется, сердцем чувствовала, так нет, сходу выпалила, что через месяц в дорогу. Как ни странно, Глеб совсем не удивился, только одна бровь выгнулась крутой дугой, поползла к мелированной челке. Потом замерла, остановилась и вернулась на прежнее место.

– А что? – многообещающе улыбнулся Глеб. – Можно! Да, рванем!

Такого скорого согласия Полина никак ждать не могла, поэтому замешкалась, полагая что ее жених шутит.

– А как же предстоящая свадьба, деньги?!

– До свадьбы накопим! – хмыкнул Глеб. – Еще целых восемь месяцев. Зато я... – Глеб сделал долгую паузу и его глаза жарко заблестели. – Зато я теперь точно свою вещицу опробую!

Он склонился над тумбочкой и поднял резким движением с заставленной всевозможными флакончиками и тюбиками Полины поверхности кожаный футляр. Взмахнув футляром над головой, будто в его руках был редкий трофей, Глеб выудил из него старый, совсем несовременный, фотоаппарат.

– Ты только взгляни, какое чудо! – облизал парень губы, рассматривая вещь. – Это же настоящее сокровище! Представляешь, он был, когда нас на свете еще совсем не было, и наших родителей тоже! Можешь вообразить, какие люди, какие предметы замирали перед его объективом? И самое удивительное – он рабочий! Подходит современная 35-ти миллиметровая пленка...

– И что... – оборвала восторженный монолог своего жениха Полина. – Не проще ли цифровой фотик взять!

– Чепуха! – нервничал Глеб. – Цифрой сейчас никого не удивишь. А это... Это настоящий инструмент для профессиональной съемки. В него добавлен кабельный синхроконттакт с регулятором упражнений синхронизации. А тип затвора, ты только представь, шторно-щелевой, с горизонтальным движением матерчатых створок. И вот странное дело, – Глеб покрутил скобы замков фотоаппарата, шелкнул задней съемной стенкой, – в нем и кассета, и катушка приемная. Все на месте! Только пленку купить и готово!

– Ну и что? Можешь даже не продолжать, ни одного слова не поняла! – пожала плечами Полина.

– А вот что! – Глеб навел объектив на девушку, покрутил заводную головку и нажал на спусковую кнопку. – Я тебе такие снимки забацаю, когда ты со сцены свои стишки декламировать будешь!

– Стишки? – пришла в себя Полина после некоторого оцепенения, которое бывает со многими перед внимательными зорким объективом. – Стишки?

– Брось, не сердись, стихотворные произведения, – поправил сама себя Глеб. – Эх, а я такой дальней дорогой столько храмов на него отщелкаю! Вся наша Родина состоит из храмов и религий. Класс, после такого тура можно и персональную выставку выклянчить!

Глеб любил смотреть на жизнь сквозь призму фотообъектива. Казалось, она видоизменяется и носит совсем другой оттенок реальности. Это как в детстве – рассматривать мир через зеленое или желтое бутылочное стекло. Те же люди, машины, деревья, дома, а все же что-то по-иному. Высокий, худощавый, рациональный, хотя в душе немного романтик, он презирал правила и рамки. Свойственные ему чувства стиля, индивидуальности позволяли выделяться из толпы. Наверное, именно поэтому, когда в его руки попал старый, времен СССР, фотоаппа-

рат, Глеб напрочь забыл о своей модной цифровой камере и несколько месяцев к ряду корпел над интернет-инструкциями. Во всем хотелось дойти до самой глубокой истины, и если что-то не получалось, Глеб пытал сам себя вопросами, почему еще в 56-ом люди могли, а он – на рассвете двухтысячных – никак не справится. Когда раритетный фотоэкземпляр оказался в любопытных руках, и эти руки смогли приручить его, Глеб понял: такая уникальная вещьца не одного зеваку заставит остановиться на городском проспекте, гадая, что это за доисторический одноглазый повис на груди молодого стилиста и кто его обладатель.

Полина являла собой полную противоположность Глеба. Маленькая, миниатюрная и очень скромная, она всю свою жизнь посвятила поэзии. Еще в раннем детстве, будучи болезненной и слабой девочкой, Полина поняла, что ничего толкового из нее, кроме поэтессы, не выйдет. Денег в семью она не принесет и потому своими мечтами и чаяниями родителей искала человека далекого от литературы и считающего творцов ее истинными небожителями. Одним словом, она искала своего Глеба. Уверенного в себе, стильного, дерзкого и крепко стоящего на ногах. В свою очередь Глеб, давно имеющий хорошую работу на радио, прекрасное увлечение фотографией, трезвый взгляд на жизнь, когда встретил хрупкую ранимую и очень трогательную Полину, всем сердцем попытался защитить девичью неловкость, в роли которой выступал Полин талант, от тягот мира. Стихотворный дар Полины был чужд Глебу. Стихов он никогда не писал и, кажется, по своему внутреннему желанию даже не почитывал. Нет, конечно, это случалось в школьные годы, когда пожилой учитель литературы печально смотрел на Глеба и дрожащими от негодования губами шептал: «Как же так?! Боюсь, вы, молодой человек, если продолжите аннигилировать своим поведением мои занятия, рискуете на всю жизнь остаться неучем, бездарью, а возможно, что еще ужаснее, самым настоящим мужиком!» С «неучем» и «бездарью» Глеб сживаться как-то научился, а вот перспективы прослыть мужиком уж никак не хотел.

Но только с приходом странного, точно сотканного из звездного сияния, слабого, голубоглазого существа, Глеб начал делать попытки понимать поэзию. И чем больше Полины становилось в его жизни, тем больше Глеб увлекался творчеством Полиных собратьев по перу и ее самой. Оказалось, это очень тяжелое дело и немного неземное. Глеб сильно переживал, когда Поля не брала конкурсы, и безумно радовался ее победам. Триумфы, правда, случались нечасто, поэтому, когда невеста сообщила о приглашении на литературный фестиваль, Глеб, не колеблясь, принял известие стойко, зная что для нее это очень важно, а для его «фото-старичка» – даже полезно. В своем информационно-техническом отделе Глеб прослыл таким порядочным занудой, что, когда сообщил о своем незапланированном отпуске, коллеги, заядлые атеисты, перекрестились, радуясь возможности отдохнуть от его педантичной надоедливой пытливости хотя бы десять дней.

Месяц пролетал головокружительно быстро. Глеб, как только получил новость о предстоящей поездке, с точностью военнотружущего собрал сумку, больше походившую на вещмешок, рационально посчитав, сколько средств, предметов гигиены и гардероба может потребоваться в пути и пребывании на фестивале двум молодым ребятам, не обремененным условностями возраста и привязанностями быта. Полина, наоборот, мучила себя и свою сумку ежедневными поисками оптимального количества красивых и правильных вещей. Она несколько раз в день погружала в нее концертные костюмы и тут же извлекала наружу, потом долго сидела на полу, о чем-то думала и снова бралась за сумку. Для Глеба попытки сборов своей невесты были и смешными и раздражающими одновременно.

– Нет, – пожимал плечами Глеб, – я просто в толк взять не могу, в чем заключаются твои проблемы?!

– Ну как же ты не понимаешь, – хмурилась маленькая, похожая на школьницу, Полина, – это же не просто фестиваль, это моя жизнь! Мое творчество!

Когда Поля говорила о своей жизни в творчестве, Глебу делалось горько во рту. Знала бы она, как тяжело ему даются все эти литературные потуги! Нет, оплачивать всевозможные проекты будущей жены он готов. Но ее здоровье... Слабенькая, даже скорее хилая... Точно выпотрошенный из мертвой кошки, еще несформировавшийся, но уже живой котенок, она при разговорах своих о фестивалях, конкурсах, литературных мероприятиях вызывала тошнотворную жалость. Какая-то бешеная сила наделила Полину этим одержимым и оттого таким скверным желанием писать. Оно и восторгало и отталкивало одновременно. Особенно ночами, когда завтра нужно добыть самые горячие новости для эфира, а болезненная страсть Поли не давала погаснуть лампочке в абажуре до самого утра. И тогда Глеб долго лежал в постели, уткнувшись носом в еще теплую, пахнущую миндальным молочком подушку Полины, смотрел на нее, пишущую, забывшуюся, что рядом есть мир, и она его часть. Он разглядывал ее пересохшие, потрескавшиеся губы, длинные ресницы, заострившийся профиль и гадал, как смог полюбить такое странное диковинное существо. Точно неразвившийся бутон. А ведь в свое время любил женщин покрепче, с формами. Эту-то и женщиной назвать нельзя! Тоненькие палочки вместо рук и ног; острые лопатки, готовые разорвать кожу и вырваться наружу чем-то похожим на неправильные искаленные крылья ударившейся о стекло птицы; еле заметная грудь; выпирающие ключицы, как корни несогласных с горожанами деревьев, взрывающие своим протестом только что положенный асфальт. И глаза... Одни глаза... Синие, огромные, такие большие, что не видно лица. И волосы... Вьющиеся, пышные, цвета плохо обжаренного кофе, и такие же ароматные. Нет, не женщина, удивительно-трогательная девочка, схожая с домохозяйкой из известного советского мультфильма.

– В зале будут люди, – наполненный обидой и потому такой любимый голос вернул Глеба в крошечную съемную, их первую, квартирку. – Разные люди... Имею ли я право показать себя в дурном свете? Стихи же пишу, в моей душе тепло и радостно от них. И я мечтаю донести свое тепло, подарить его людям, чтобы они тоже почувствовали, какой прекрасный мир – поэзия, согрелись в ее лучах.

– Ну и неси свой свет на здоровье, – не выдержав, расхохотался Глеб, – причем здесь твоя дорожная сумка?

– Глебушка, какой же ты у меня еще глупенький! – глаза Поли наполнились неестественной синевой, словно она постигла все тайны мироздания. – В наше время содержание будет интересным только при условии красивой обложки. Одежда, образ позволит заинтересовать слушателя. Сначала с любопытством он начнет рассматривать меня, а когда его внимание прирастет к образу, он сможет уловить мелодию поэзии души.

– А-а-а, – протяжно выдохнул Глеб, – а я-то, дурак, и не понял сразу. Одним словом, работник радио. Вот если бы на телевиденье трудился, наверное, попонятливее был, там картинка первостепенна!

– То-то же и оно! – вслед за Глебом расхохоталась Полина и шлепнула жениха по плечу сборником своих стихов, изданным на его же деньги.

Когда до отъезда оставалось всего четыре дня, как назло, вечером, на пороге будущих супругов появился незванный гость. Хотя, возможно, незванным он был только для Полины, а для Глеба – старым приятелем и одноклассником, с которым он просидел за одной партой аж целых одиннадцать лет. И что душу вопросами томить – без сомнений именно Глеб рассказал своему ветреному дружку и о фестивале своей невесты и о предстоящий поездке. Едва приятель Глеба, Костик (которого уже лет десять можно было бы величать Константином Николаевичем, но в силу легкого характера, пожизненного безделья и бесконечной болтовни имя-отчество ни с какой стороны к нему не приклеивалось) ступил на порог, Полина сразу поняла – поездка грозит быть испорченной.

Костик вошел в квартиру, слегла покачиваясь. «Уже опрокинул рюмочку, – подумала Полина, – и, возможно, не одну». Конечно, коньяк, Костик другим не балуется, при его-то отце, при их-то деньгах! Кроме престижного образования Костику похвастаться больше нечем. Диплом, и тот пришлось получать понятно какими путями. Отец конечно виноват во всем! Изнежил, избаловал как девчонку. Мама рано ушла, правду говорят, что здоровье за деньги не купишь. Бизнес отца стремился в гору, а здоровье матери Костика утекало в землю. С пятого Костикиного класса они одни без женщины в доме. Косте позволено все, он может не работать, раз в месяц заглядывает к отцу на комбинат, а зарплата как у министра. Хотя внутри Костя добрый, только доброта его какая-то неограниченная, дикая что ли. Все у Костика есть, только жизнь неправильная и при наличии диплома необразованная.

Девушка быстро прошла на кухню, чтобы поставить чайник и не встречаться с наглым, насмешливым взглядом Костика. По крайней мере, Полине всегда виделась в его детской небесной синеве, и потому такой противоестественной для Костика, хитрая ехидная насмешка над ней. И что может объединять этих двух совершенно разных людей? Глеб полная противоположность Костика, но что-то влечет их один к одному, точно они магниты. Глеб раскати-сто смеется над шутками Кости, а тот внимательно, даже немного хмуро, слушает рассказы и о работе на радио и о творчестве Полины.

Уже с подносом в руках, пытаюсь выйти из кухни и не показать дрожания рук, которое предательски выдавали фарфоровые чашечки, Полина услышала, как Костик предлагает Глебу великолепную сделку: «Я твоей Польке прессу на фестивале оплачу, ну и стишкам немного будущего дам, а вы меня на хвостик свой возьмите, батя, все мозги изгрыз. А тут искусство! Он это дело любит, посудит, что сынок на верный путь встал. Деньжат подкинёт... А, Глеб, как ты на это смотришь?» Глеб сразу не ответил, замешкался. Полина слышала его тяжелый вздох, знал же, что невеста дружка терпеть не может.

– А что? Я согласна! – Полина вошла в комнату, натянув на губы счастливую улыбку. – Да, согласна! Чур, пресса должна быть не только на фестивале, но и еще в одном месте! – слова давались с трудом, Поля чувствовала себя продажным существом, но что не сделаешь ради искусства.

– Лады, – Костик весело хлопнул Глеба по спине, – а она у тебя умница, я уж было стал подумывать, что совсем блаженная. Ну, Полька, назови свою цену и пункт!

– Перестань, Костя, – одернул друга Глеб, – твои шуточки сейчас не к месту... – слова Глеба действовали на Костика отрезвляюще даже в первом классе, когда он норовил измазать чернилами портрет вождя на стене директорского кабинета. А сейчас этот глубокий пронизывающий взгляд заставил заблудшие в желудке капли коньяка начать испарять градус через кожу высокого лба, наличие которого пророчило Костику незаурядные способности, растроченные так бездарно на развлечения и хмельные слезы одиноких ночей.

– Ой, шуток совсем не понимаете, не обижайтесь, короче... У меня же только вы, плохо, Полька никак не дорастет до моих искренних чувств...

Поле стало немного жалко Костика, в жизни которого люди появлялись со скоростью метеоритов, и с такой же скоростью, опустошив его щедрые карманы, исчезали.

– Не называй ее Полькой, – продолжал серьезно смотреть на Костика Глеб, – шутики прочь! Прессу, говоришь... Тогда Полина права, сначала в ее любимом городе, я рассказывал тебе о нем, потом на фестивале.

– Стоп, ты сейчас о городе N судачишь, я все правильно понимаю?

Глеб молчал.

– Серьезно, Глеб, а вы не сбрендили?

– Костя, – ты сам предложил помощь, не я, прошу заметить! – Глеб посмотрел на Костика тем самым взглядом, которым сверлил его учитель литературы в попытках выяснить чего в Глебе больше, бездари или мужика.

– Уф, задачка, любимый город! – Костик почесал голову и его смеющиеся лукавые глаза сделались серьезными. – А не могла бы твоя невеста полюбить что-то попроще! Это действительно не шутка, курорт крупный! С фестивалем-то легче будет. Ну, да будь по-вашему! Сделаю все!

Глеб выдохнул. Знал, денег в обрез, впереди свадьба, а Поля во снах и наяву видит свой призрачный N, где лечилась от бронхитов с раннего детства, и в издательстве которого Глеб проторчал целый день, заполняя договора на оплату и выход в свет ее поэтического сборника. А теперь девичьи грезы клином сошлись на заполучении южных читателей-почитателей. На это нужны и деньги и силы. А Костик... У него и того и другого хоть отбавляй. Да и не помещает парню переключиться немного с выпивки, ночных клубов и девиц... Не столько на глупости спускает! Однажды таксисту такую сумму отдал (лишь потому, что тот ласково посмотрел на него), какую Глеб за месяц тяжким трудом добывает. А здесь маленькая Поля, ее творчество... И ведь талантливая девочка, не какая-то дешевка из клуба. Глядишь, Костик, прикоснувшись к прекрасному, и сам чище станет.

Дорога была тяжелой. Ехать пришлось на автобусе, современном и очень комфортном, только двое суток пути никакими сериалами, кондиционерами и наличием бесплатного интернета не сократишь. Глеб всю дорогу вскрикивал, завидев золотые купола церквей или гордые минареты, тут же наводил на них свой дальномерный фотоаппарат, долго крутил барабан, настраивал шкалы расстояний и глубинной резкости, потом щелкал, облизывал губы. Сидящий впереди Костик просовывал голову через сиденья, пихал своего попутчика, тоже облизывал губы.

– Ух, и умный ты у нас, Глеб, такой агрегат приручил! Правда, Польша? Прости, Полина...

А Полина откровенно скучала в пути, не понимая, то ли хандра больших дорог заела ее до нарастающей депрессии, то ли наличие поблизости неугомонного Костика, то ли острое подергивание сначала в правом, потом в левом висках из-за волнения, вызванного предстоящим выступлением, плавно, с ходом времени и движения автобуса, перешедшего в ступор.

Жаркий август лениво проплывал за толстыми панорамными стеклами. Кивал налитыми буйными головами подсолнухов, колосьями ржи, зазывал окунуться в прохладу больших и малых рек. Глеба все интересовало и беспокоило. Он точно трехлетний ребенок с жадностью упивался видами и никак не мог усидеть на одном месте: то сучил ногами, то хватался за чехол фотоаппарата, то, вдруг почувствовав сильный голод от прилива чувств, опускался к самым Полининым ногам, у которых стоял шелестящий черный пакет. Глеб рылся в нем до тех пор, пока запахи хлеба и копченой, истекающей жиром, колбасы не наполняли салон автобуса. Костик тут же появлялся в проеме между сиденьями, облизывался, и Полина с брезгливой усмешкой на губах наблюдала, как друзья чавкают, уставившись один на одного, подобно двум голодным сорванцам-первоклашкам, которым посчастливилось вырвать продукты из рук добрых родителей, ны выдержав длинной очереди в кассу гипермаркета.

Еще дома, на общем собрании из трех человек, было принято решение сначала посетить крупный курорт N, где Поля встретится с журналистами из газеты и представителями местного канала культуры. Костик об этом успел заранее похлопотать, как и обещал. В городе N они проведут всего пять дней, заодно отдохнут, вдоволь накупаются, поваляются на пляже, а вечера посвятят местным пабам. После – отправятся в город Z, расположенный в шести часах езды от Полиного любимого курорта, где и должен состояться литературный фестиваль. Там уже не до веселья. Поле предстоит отработать программу, и Костик поклялся, что не только поможет ей со всеми необходимыми приготовлениями, но и отвлекать на свои развлечения точно не станет.

– Я тише мыши! Видишь, тоже рифмой заговорил! Могила! Клянусь! – шепнул Костик Поле на ухо и чиркнул по острому кадыку указательным пальцем, словно хотел перерезать себе горло.

– Надеюсь, – кивнула головой Полина и отвела руку Костика от шеи.

Угрожающее действие Кости, обращенное к самому себе, Полине не понравилось. Подобного рода шутки никогда не могли ее развеселить, а уж сравнение с могилой и вовсе напугало.

– Надеюсь, – задумчиво повторила Полина и тяжело вздохнула.

Даже при условии той помощи, которую готовил для нее Костик, в предстоящей поездке он все равно являл собой обузу, готовую шутить и болтать без умолку.

Оба города располагались на море, точнее, на двух морях, и совершенно разных. Город N живописно раскинулся в просторном природном амфитеатре, окруженный с суши полукольцом гор. Его пирсы облизывало внутреннее море бассейна Атлантического океана. Где и как раскинулся город Z, Полина не знала. Слышала только, что это хорошенькое место у соленых вод самого мелкого моря в мире. И чем больше Полина воображала себя в городе Z, чем краше она представляла себе литературный фестиваль и саму себя на нем, такую нелюдимую и в то же время стремящуюся к людям и общению с ними, тем сильнее болела голова, и сдавливал горло приближающийся приступ паники. Она и хотела и боялась фестиваля одновременно. А тут еще вечно жующий и о чем-то болтающий Костик. Полина слышала, как недовольно бурчит его сосед в автобусе. Костик то и дело пихал его длинными ногами, которые никуда не вмещались. Крутился, размахивал руками, и Поле нестерпимо хотелось ему нагрубить, но обещанное Костиком действие с прессой, заставляло держаться.

Пока Костя жевал колбасу, дыша чесночным запахом то на Глеба то на Полину, девушка рассматривала его лицо и гадала, почему оно так неприятно ей. Нет, возможно, не само лицо, а поведение его обладателя. Ведь красавчик, что может в нем отталкивать?! Синие глаза, высокий, светловолосый, девчонки с ума по нему сходят! Раздражало в Косте его избалованное отношение к жизни, та легкость, с которой он привык брать все, что пожелает. Даже Полины журналисты – всего лишь прихоть, барский жест, а для нее смысл творчества, цель, к которой она стремится, истязая свое тело и душу. И если задуматься, хороший парень, только будь он немного серьезнее, образованнее, получи он строгое отцовское воспитание. А так, хам... Обычный хам! Если не знать, кто такой Костик и что есть его семья... Вот и пассажир на соседнем сиденье это прямо в лицо парню сказал, попросил, чтоб не дышал на него колбасой и прекратил крошки повсюду разбрасывать. Костя отшутился, только шутки его слишком грубые и никто кроме Глеба их не понимает.

Часть 2

В город N ребята прибыли в десять вечера. Еще в автобусе решили, что непременно побегут на море купаться, поужинают в кафе, а когда сошли на вокзале, стояли втроем как потрепанные колосья, не было сил даже думать. Хорошо, что к ним сразу метнулась старушка с предложением своего жилья. Когда узнали цену, даже Костик присвистнул:

– Ничего себе! Да за такие деньги...

– Побойтесь бога, молодой человек, – перебила его бабушка, – самый горячий сезон. А у меня квартира прекрасная, с видом на море. Все есть, даже кондиционер! Так что на вашем месте я бы даже не думала!

– На нашем месте, – хмыкнул Глеб, – на нашем месте год работать надо, чтобы на пять дней здесь задержаться.

– Лады, – хлопнул Глеба по плечу Костик, – мы согласны! Не делай себе нервы, дружище, о Польке подумай! Ну, ведите в свои апартаменты! – хихикнул Костик чесноком в лицо старушки, – берем!

Полина, молча, посеменила следом. Ребята тянули ее сумку и рюкзак с концертными костюмами и десятком косметичек, она тихо плелась за ними, часто спотыкаясь и не поспевая. Ее вниманием владел любимый город, его ни с чем несравнимые запахи, звуки. Пройдя несколько метров в сгущающейся южной ночи, Поля остановилась, осмотрелась и, убедившись, что парни заняты разговором с бабушкой, а прохожие не смотрят, одним резким движением упала на колени, опустила лицо к теплым, пахнущим лавром и еще какими-то эфирными маслами плиткам, поцеловала их жарко и страстно, как никогда никого не целовала, ни одно живое или неживое существо.

– Ну, привет, я так соскучилась, я так люблю тебя, я вернулась!

Квартирка была небольшой, но очень уютной. Она состояла из комнаты, в которой находились двуспальная кровать, стол, большое зеркало, кресло и платяной шкаф. А так же кухни, с маленькой раскладушкой, втиснутой в нее.

– О, это мое! – громко расхохотался Костик, показывая указательным пальцем на раскладушку, словно за его плечами вовсе не было тяжелой двухдневной дороги. – Я забил. А вы мучайтесь на тахте, пусть ваши косточки болят! Только обедать будем вместе, я готовить не люблю.

– Зато я обожаю, – прошептала Полина, осматривая плиту, шкафчики со специями, проверяя наличие сахара и соли, – эти кипариса, вы в окно посмотрите!

В небольшое темное окно кухни, смотрелись такие же темные, почти черные сонные свечи гордых деревьев.

– А это не хорошо! – покачал головой Глеб. – Какое тут море, мы его из-за этих великанов никак не увидим. И сам дом мне не нравится!

А мне очень! – впервые за дорогу искренне улыбнулась Полина. – Это настоящее чудо!

Дом, в котором находилась квартира, был двухэтажным, именовался старым фондом. Жилище ребят как раз расположилось на втором, мансардном, этаже. Само здание являло собой с виду ветхую деревянную постройку, больше походившую на саклю, заселенную кошками и насквозь пропитанное их нечистотами. Зато двор был отменный. Просторный, с железными воротами, закрывающимися на ночь, и великолепными деревьями смоковниц, кипарисов и хурмы. Полина обожала деревья, особенно южные, с терпким хвойно-древесным, иногда пряным, запахом. Поэтому наличие во дворе растительности, особенно кипарисов, только порадовало. Котов Поля тоже любила. Ни упреки Глеба, ни ехидные выпады Костика не смогли ее остановить в первый же вечер накормить полосатую свору косточками, являвшими собою

всего лишь минут сорок назад ароматного, шипящего на гриле цыпленка с золотистой хрустящей корочкой.

Засыпала Полина мучительно долго. Кондиционер шипел и булькал, дул то в одно, то в другое ухо. Несколько раз Поля порывалась раскатать Глеба, чтобы он усмирил разгулявшегося поставщика прохладного воздуха. Но Глеб так трогательно спрятал соединенные между собой ладошки под уставшую небритую щеку, что Поле сделалось его жаль. Она видела нервный профиль, вздернутую непослушную челку в свете луны, здесь на юге, походившей на желтый пережаренный блин, такой гигантский, что даже острые пики кипарисов, заглядывающие во второе, последнее окно их спальни, не могли уберечь воспаленные глаза от бледно-желтого, немного пугающего света. Луна катилась по темно-лиловому небесному шатру, усыпанному кристалликами звезд, цеплялась за башенки деревьев и таяла, раскачиваясь за горными хребтами. Жаркая ночь растворялась в море, медленно в окно вползал рассвет. А девушка все еще лежала без сна, слушая ровное дыхание Глеба и медвежье похрапывание Костика, тот с вечера хлопнул пять рюмок коньяка, и теперь спал так, будто вся эта съемная квартира являлась его собственной берлогой, в которой он тут же поспешил все заполнить своим потеющим телом и яростными звуками.

Едва Полине удалось побороть последние воспоминания дороги и забыться легким неведомым сном, как над ухом послышалось какое-то хлопанье и жужжание. Когда она открыла глаза, увидела склоненное над головой счастливое лицо Костика, во рту которого орудовала стрекочущая зубная щетка, густо расплескивая мятлые белые капли на Полин лоб и краешек одеяла.

– Ты чего? – не поняла спросонья Полина. – Зачем ты здесь?

– Я ничего! – громко заржал Костя. – Просто так, я вообще-то живу с тобой!

– Со мной? – Полина потерла опухшие веки. – А-а-а, да, с нами, а где Глеб?

– Какой Глеб? – еще громче расхохотался Костик, рассеивая жемчужинки зубной пасты на кровать. – Нас в квартире только двое.

Полина быстро подскочила, вжалась в постель, натянула одеяло до самых губ.

– Да, одни! – продолжил потешаться Костик. – Может, пошалим, а?

– Ты чего Костик? Прекрати! – испуганно взмолилась Полина, понимая, что, если Костя на сей раз не шутит, беды не избежать.

Она готова царапаться и кусаться, но Костик, хоть и худосочен, а все же по-мужски силен. Полина потянула одеяло к самым глазам. Костя, выплюнув сгустки пасты на пол, рванул край одеяла, второй рукой, отбросив в сторону зубную щетку, начал искать под тоненьким синтепоном Полину щиколотку.

– Ты с ума сошел? – взвизгнула девушка. – Ты же друг Глеба!

– Ага, – тяжело дыша, веселился Костик.

Его глаза похотливо блестели, рот приоткрылся, напоминая Полине пасть дикого хищника, который схватил свою добычу, играет с ней, отдаляя минуты расправы, но уже знает, что сделает с ней, куда нацелены острые клыки в предвкушении сладостной оргии жертвы и палача.

– Костя, перестань! – Полина голосила на всю квартиру. – Ты же друг!

– Кому друг, а кому просто знакомый, симпатичный знакомый мужского пола.

Не выдержав издевательств, Полина откинула одеяло в сторону, приподнялась на дрожащих руках и изо всех сил лягнула Костика пяткой в лицо. Он резко отшатнулся и с силой хлопнулся на пол. Некоторое время полежав без движения, Костя будто опомнился, ощупал руками лицо. Из разбитого носа хлынула кровь.

– Дура! – зло прошипел Костик. – Большая!

Он сел на полу, длинной рукой дотянулся до Полиной постели и рывком дернул на себя одеяло. Когда оно оказалось у его ног, Костя схватил один конец и погрузил в него свой окровавленный нос. Высморкавшись в одеяло кровью, Костя поднял на Полину бешеные глаза:

– Я пошутить хотел, а ты мне нос испортила. И что Глеб в тебе нашел? Неужели наивно подумала ты, что можешь заинтересовать меня? Ты не в моем вкусе даже! Кому ты такая сумасшедшая нужна? Возомнила о себе! Только идиот Глеб мог повестись на твои пресные художные прелести! Тьфу! – Костик сплюнул себе под ноги.

– Выйди вон из комнаты! – закричала Полина. – Гад! Еще другом называется...

В это время послышалась возня возле входной двери, и всего через секунду свежий, гладковыбритый и румяный от горного воздуха в комнате появился Глеб. Его глаза светились, на груди покачивался фотоаппарат. Но только Глеб лицезрел перед собой драматическое действие, развивающиеся в его отсутствие, и двух главных героев, как светящиеся глаза начали меркнуть, губы побелели.

– Что здесь происходит? Полина, почему Костик в крови? Что он делает рядом с тобой?

– Пусть он тебе сам расскажет! – огрызнулась Полина. – Вот твой дружок во всей своей красе, полюбуйся!

– Костя, что произошло? – Глеб склонился над Костей, протягивая ему руку, чтобы помочь подняться с пола.

– Ничего! – сердито буркнул тот и отпихнул руку. – Пошутил, а она мне в нос ногой!

– Пошутил, говоришь! Знаю я твои шутки!

– Не сахарная, не растаяла бы от одного раза, – вставая на ноги и отряхиваясь, снова захохотал Костик, словно веселостью своей хотел отделаться от участия в выяснении отношений. – А ты сам не помнишь, может совсем забыл, как раньше мы шалили, девчонками обменивались. Я – ту, ты – эту! Для друга же ничего не жалко, верно, Глебушка? Seriously, забыл? А Польша знает?

– Что? – Глеб стал совсем бледен, его обескровленные губы дрожали. Он смотрел, не моргая на Костю. Потом медленно, не решаясь взглянуть в упор, перевел стыдливые глаза на Полину, и девушка увидела в мольбу.

– Это правда, Глеб, – скривилась Полина, – вы занимались такими мерзостями? Поэтому Костик и решил, что снова можно? Ты поэтому ушел, специально ушел?!

– Нет, Полечка, нет, – голос Глеба скрежетал как железные дворовые ворота, – что было, то прошло, все в прошлом. Я изменился, я никому не позволю... И горы, всего лишь горы, отправился поснимать. Ты спала, Костя тоже. Нет, не специально, ты другая, ты все для меня. А этот...

Глеб одним прыжком оказался лицом к лицу с Костей.

– А ты мне после такого больше никто, понял?! Знал же, что она – не как все! Для меня особый человек...

Глеб схватился за футболку Кости, потянул на себя, потом потрянул несколько раз.

– Эх, ты...

– Да идите вы к черту, – болтаясь в руках Глеба, прошипел Костик, – со своими нравовыми учениями, уже и пошутить нельзя! Зря только старался с этими журналистами! Ради чего? Думал оттянуться хорошенько, а вы как старики, только бурчите!

Костик ударил Глеба по руке, высвободился и, подхватив с кухонного столика кожаную барсетку, бросился к двери. Потом на секунду замер, обернулся:

– Журналисты завтра в восемь, литературное кафе возле морского вокзала, я свое слово держу!

– Ты куда? – вдогонку сбегающему вниз по ступеням Костику крикнул Глеб.

– Прогуляться, тошнит от вас!

Едва растревоженный агрессией Кости воздух перестал вибрировать, и комната погрузилась в гнетущую тишину, Полина устало опустила ноги на пол, поправила сбившиеся пряди волос. Тело ломило, точно его всего секунду назад выбили, подобно пыльному старому ковру, толстой палкой. Пальцы на руках налились свинцом, правая пятка ныла, вспоминая лице-

вой скелет Костика, сердце неумолимо колотилось, и дрожал подбородок. Стараясь не смотреть на Глеба, застывшего статуей посреди комнаты, Полина согнулась и поспешила вернуть скомканное одеяло на кровать.

– Вот зараза, испачкал пододеяльник, теперь вручную стирать придется, – вздохнула девушка, несколько раз проведя ладошкой по ткани, будто от этих действий влажные алые пятна смогли бы исчезнуть.

– Не трудись, Полечка, я сам... – перехватил одеяло Глеб.

– Что сам? – Полина вскинула на Глеба полные гнева глаза. – Сам он... Ты себя сначала от грязи отмыть попробуй. Или к тебе она не цепляется? Не пристаёт?! А я, как видишь, боюсь замараться. – Полина зло отшвырнула от себя конец пододеяльника, как если бы он и был причиной разгоревшегося конфликта, и теперь немым безучастным свидетелем напоминал о грязи прошлых лет, грозившей запятнать еще несбывшееся будущее.

Глеб смотрел в пол. Его бледное лицо начало оживать, покрываться пятнами, пылающие щеки горели пурпурными яблоками. Полина зажмурилась. Казалось, они как два надувных шара увеличиваются в объеме. Ширятся, застилают собой даже солнце, игриво заглядывающее в окно.

– Как ты мог Глеб, как? Что это за дружба? Правду люди говорят, скажи мне кто твой...

– Поля, перестань, – Глеб ласково и немного стыдливо заглянул в глаза своей невесте, осторожно сделал шаг к ней навстречу.

Полина не отпрянула, осталась стоять на прежнем месте. Ее руки безжизненно свисали двумя тонкими плетями, и Глебу вдруг увиделась она лет через пятьдесят их семейной жизни. Такая трогательная, незащищенная, и в то же время опасная, возымевшая над ним свою власть, какую имеют над сильными мужчинами слабые и немного чудные женщины. Да, через пятьдесят лет она могла бы стоять перед ним с точно такой же смешной и, наверное, сморщенной от возраста мордашкой, свесив две руки, и гадать, куда же запропастился веник. Ведь всего секунду назад он был здесь, а теперь куда-то спрятался. Интересно, она еще будет писать? И губами, пересохшими и потрескавшимися, тоже будет шевелить ногами, подбирая подходящую рифму. Располнеет ли она или превратится в сухарик, будут ли у них дети или ее книги станут их детьми?

– Эй, очнись! – Полина преодолела оставшееся расстояние между ними и обвила шею Глеба проворными, пахнущими миндалем, руками. – Я умная девочка, пусть прошлое останется в прошлом. Не будем тратить напрасно свои южные дни. По твоим глазам все вижу, молодость все стерпит, а семейная жизнь не любит обид. Не сержусь, Глеб, на тебя, а Костик – избалованная дрянная девчонка!

Глеб зарылся носом в теплые волосы, пахнущие кофе. Странно, почему они имеют этот удивительный запах, будто цвет приманил его и поселил на длинных мягких прядях. Привык и к цвету и к запаху, словно знал их тысячи лет назад и загадал знать на тысячи лет вперед. А к поведению Поли привыкнуть никак нельзя. Ждешь бури, стихии в океане, готовишься сжигаться, выживать. А она неожиданно простирается перед тобой ласковыми водами, зовущими окунуться в успокаивающие свои тихие волны. В этом вся Полина, другой такой больше ни за что не отыскать.

– Ну, как твои фото?

Бархатный голос Полины вернул Глеба из вод на сушу, позволил отыскать самого себя, большого и оттого такого нескладного, в ее объятиях.

– Горы, это чудо... – Глеб нехотя очнулся, попробовал силу своего сиплого голоса, откашлялся. – Здорово, что он дальномерный!

Глеб потрогал чехол аппарата, который притаился ласковым зверем теперь уже не на его груди, а между двумя, прильнувшими сердцами, замершими в объятиях. Зверь колыхался, слушая дыхание Поли, слушаясь и повинуюсь ей одной.

– В горах собачника одного встретил, очень заинтересовался вещицей, просил, чтобы пса его щелкнул.

– И как, щелкнул? – Полина улыбнулась – не Глебу, неведомому псу.

– Да, жаль пленки совсем не осталось. Теперь беречь приходится, считать и задумываться над каждым кадром. А штука хорошая. Здесь, как и дома, прохожие останавливают, интересуются. Ты больше не сердись? – Глеб кончиками пальцев коснулся острого подбородка.

– На что, Глеб?

– На то, что было...

– Не сержусь, меня тогда не было. Важно, что не солгал, не стал отпираться. Все, забыто! Я в душ, и побежали. Есть хочется!

– Тогда в кафешку?

– Я только «за»! Мечтаю о горячем кофе и о какой-нибудь сладкой штучке к нему...

– У меня уже одна штучка есть, жаль без кофе суховата! – Глеб одним движением указательного пальца пробежался по Полиному боку, лавируя между острых ребер.

Они оба рассмеялись, радуясь предстоящему жаркому дню, наполненному событиями и впечатлениями.

В пять вечера Глеб и Полина, истекая солеными каплями горячего пота, медленно шли от вокзала в порт. Солнце, не теряя настойчивости к вечеру, жарило во всю свою мощь. Уставший от пути и изнуряющего валяния на пляже Глеб с трудом переставлял ноги, не поспевая за порхающей беззаботным мотыльком Полиной, которая сначала вырывалась вперед, потом приостанавливалась, оборачивалась, нетерпеливо дожидаясь, когда плечо Глеба, наконец, начнет двигаться вровень с ее плечом. Глеб шел и сам себя ругал за то, что утром, после ободряющего капучино, дал слово будущей жене отправиться вечером в порт кормить хлебом гигантских белых чаек. Они еще на пляже успели досадить настойчивыми попытками выбросить красноватые перепончатые шасси ему на голову во время заплывов, долгих и старательных, за буйки.

– Подожди, – сказал Глеб, – и остановился, вытирая капли со лба, – дай отдышаться. Сейчас билеты проверю...

Глеб, молча, сунул в руки Поли пакет, в котором влажно дышал теплый батон, усыпанный поверх тонкой, яичного цвета, корочки черными точками мака, и полез в небольшую планшетную сумку, фотоаппарат раскачивался на груди, мешая рыться в ней, поэтому Глеб всучил Полине и его.

– Ну как, все нормально? Какие места? – Полина переминалась с ноги на ногу.

– Пятое, шестое и девятое. Отправляемся через три дня в восемь утра.

– Отлично, а Костик знает о том, что мы ему билет тоже купили?

– Ага, – тряхнул челкой Глеб, – думаешь, этот прямой автобус в Z без пересадок я во сне увидел? И так сразу, минуя справочную, в кассы за билетами бросился?! Нет, это все Костик. Еще дома в интернете копался, пока маршрут нам не составил. И деньги на свой билет тоже дома мне вручил, на, говорит, а то я или потеряю или на крепкие напитки спущу.

При мысли о Костике Полину замутило, ей было неприятно само упоминание о нем. Не говоря уже о том, что упоминает его ни кто-нибудь, а Глеб. Но после некоторого замешательства она всеми силами постаралась проглотить обиду и неприязнь к Костику, как горькую пилюлю, которая хоть и вызывает отвращение, а все же в данной ситуации жизненно необходима.

На набережной Глеб, заметив, каким долгим взглядом Поля провожала лоток со сладкой ватой, дернул ее за руку, остановил.

– Хочешь?

– Да-а-а, – по-детски заискивающе надула губы Полина.

Всего через две минуты уже не он, Глеб, а Полина плелась следом, не поспевая за ним, рассматривая длинную палочку, на которую, как на тонкую жердь, присела то ли белая сова, то ли небо нечаянно уронило на нее свое легкомысленное облако.

– Ух, с трех лет ее не пробовала! – облизнулась Полина.

– Так пробуй, – Глеб обернулся, чтобы увидеть ее широко открытые глаза, не упустить ускользящий трепетный миг чистой радости.

– Нет, не сейчас, – покачала головой Полина, память не терпит спешки. Я лучше в порту, на лавочке или глядя на море. Слушай, а пес умный был, дружелюбный?

Глеб остановился, подождал, когда Полина с ним поравняется.

– Какой пес?

– Тот, что в горах с хозяином хотел фотографироваться...

– А-а-а, пес...

– Какой он породы был?

– Курцхаар, кажется.

– Ого, я такой породы не знаю. Симпатичный?

– Очень, потом на фото посмотришь!

В порту Полина сначала крошила батон чайкам в море, потом, разобравшись, запускала кусочки прямо в небо. Жадные птицы бросались в полете то на хлеб, то друг на друга. Полине и страшно было от этого и весело. Она хохотала. А Глеб стоял немного позади, следил за ее движениями, покачивая ватой на палочке, врученной ему для хранения. Не выдержав, он немного отщипнул, погрузил в рот таящее чудо. И сам удивился, что так давно его не пробовал. А ведь действительно, всего немного нужно для счастья. Для настоящего, тихого счастья... Стоять вот так, смотреть на море, на безупречно белые корабли, лакомиться сладкой ватой и следить, как человек, не важно кто он, кормит птиц хлебом. Глеб постоял немного, подошел к Полине, взял у нее кусочек хлеба и тоже бросил. Сладкая вата теперь была у нее. Глебу нестерпимо захотелось остановить этот момент с чайками, ватой, кофейными прядями на ветру. Он расчехлил фотоаппарат, навел объектив и, понимая, что кадров осталось всего пять, щелкнул, жертвуя одним ради счастливого мгновения.

– Работает старичок? Раньше умели делать, не правда ли, молодой человек? – рядом возник пожилой мужчина в шляпе, с газетой в руках.

Глеб обернулся:

– Работает, классная штука!

– У меня точно такой же, – мужчина подошел ближе, прищурился, осматривая фотоаппарат. – Да, несколькими годами старше, правда. Здесь у вас я вижу – кабельный синхроконтракт добавлен, да, мой постарше будет...

– И как, – глаза Глеба блестели, – еще рабочий?

– А то! Куда он денется? – подмигнул мужчина сначала Глебу, потом внимательному объективу. – Рано нас, стариков, со счетов списывают, пытаются модными да удобными штуками заменить, а мы вон, еще боремся. Приятно, знаете ли, что в наше время, где все ищут простоты да легкости, еще встречаются молодые люди, оглядывающиеся назад.

– Да, в прошлом много всего хорошего осталось...

Полина слушала разговор Глеба и мужчины и не слушала, ее внимание было приковано к троице, расхаживающей по порту. Они немного покачивались, надрывно, деланно смеялись. Полина присмотрелась: о, этот силуэт, этот смех она никогда ни с чем не спутает. Так и есть, Костик, в обнимку с двумя полуголыми девицами. Высокими, длинноволосыми блондинками, у которых распущенны не только волосы, язык и руки, но и поведение. Уже тепленькие, несмотря на жару, успели набраться виски в прибрежном пабе. Полина отвернулась, поспешила скрыться, чтобы Костик их с Глебом не заметил. Не учинил какое-нибудь гадкое разбирательство. К счастью, они остались без внимания, занятый разговором с хихикающими

девицами и изучением их форм, Костик потянулся к очередному питейному заведению. Как и предполагала Полина, домой ночевать он не пришел.

Костик не появился в съемной квартире ни утром, ни к полудню, обедать он тоже не пришел. В шесть вечера встревоженная предстоящей встречей с журналистами Полина осмотрела себя в зеркало. Легкое платье цвета морской волны выгодно подчеркивало глаза, золотой браслетик, подаренный Глебом на помолвку, изящно перехватил тоненькое запястье, пухлые губы казались еще полнее от мерцающей помады, волосы аккуратно лежали на левом плече шоколадными волнами. Глеб стоял в дверном проеме, поправляя галстук и любясь своей невестой.

– Полечка, ты сегодня хороша как никогда. Все взяла, нам нужно поторопиться, сборник свой не забыла?

– Он со мной, не волнуйся, – Полина показала Глебу аккуратный бумажный пакет с книгами, – я уже готова, можем идти.

– Туфли не жмут, сможешь на каблуках, или лучше такси вызовем?

– Глупости, тут совсем рядом, я же девочка, каблуки – моя стихия! Вот только тревожусь...

– Из-за встречи? – Глеб шагнул навстречу Полине, чтобы обнять ее, и тем самым уберечь от волнения.

– Нет, из-за Костика. – Полина уткнулась напудренным носом в черную рубашку жениха. – А вдруг он все наврал о журналистах, поэтому где-то теперь от нас прячется. Или с ним что-то нехорошее могло приключиться...

– О, за это ты можешь не беспокоиться. – Глеб отстранился, чтобы посмотреть в Полино лицо, заметив белое пятно на рубашке, легким движением руки, избавился от него. – Твоя пудра, до чего не люблю ее. Лицо делает маскообразным, и следы повсюду...

– А как без нее? – пожала плечами Полина. – Камеры не прощают жирного блеска, тебе ли не знать...

– Костик свое слово держит, уж я его знаю, сказал, в семь, значит в семь, – продолжил Глеб, – а то, что он дома не появляется, не переживай, это в его духе. Сколько его знаю, Костик любил исчезать. И взрослый и будучи ребенком. Отец тоже привык. Помню, много раз его с милицией искали. А он, сорванец, мог сутками на чердаке отсиживаться. Одним словом, бродяга. Жаль, конечно, что телефона с ним нет. Еще дома сказал, что специально едет в путь без мобильной связи, дабы отец по сто раз в день не трезвонил, проверяя трезв ли его сыночек, и не подцепил ли очередную девицу, грозящую наградить его какой-нибудь стыдной болезнью.

– Понятно, раз ты, его друг, так спокоен, то чего я должна переживать. Он уже большой мальчик, думаю, не пропадет, тем более здесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.